

Серия
изданий
«Церковная
история
Зауралья»

I

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ КУРГАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Часть 1

БЕЛОЕ БРОДНЦЕ

Далматово • 2016

Послушник Евгений Пономарев (1957–1995)

Девяностые годы... «Лихие», «бандитские» или «время свободы» — когда-нибудь ученые выскажут обоснованное мнение, в чем состоял их исторический смысл и значение для нашей страны. Не забудут они и о том, что возрождение Русской Православной Церкви тоже бурно развернулось именно в эти годы. Жизнь была очень непростой, но обретенная духовная свобода позволила множеству людей открыто обратиться к Богу, не опасаясь репрессий со стороны государства. И как бы мы не оценивали другие знаковые события того времени, экономические и политические, но свобода совести, настоящая, а не формальная, как в советское время, была действительно великим достижением девяностых. Появилась возможность открыто читать Священное Писание, изучать труды святых отцов, жития святых мучеников и подвижников Церкви. Стало можно крестить детей, венчаться, отпевать умерших, получать духовное образование без оглядки на всесильные «органы».

В стены возрождающихся храмов и монастырей Бог привел избранных Своих, и на этом пути их ждали труднейшие испытания. С одной стороны — искушения мира, ведь внезапно стали доступны деньги, власть, множество других атрибутов «красивой жизни». С другой стороны — реальные опасности, с которыми сопряжена жизнь священников и монахов. Только теперь это были не опасности, связанные с государственным репрессивным аппаратом, а разгул уголовщины. Преступники, которые в те годы срезали провода с линий электропередач, рискуя собственной жизнью и оставляя целые деревни без электричества, не гнушались и воровством икон, церковного серебра, опустошением кружек для пожертвований. Священников, монахов, мирян, оказавшихся на их пути, нечестивцы безжалостно убивали. Случаев таких было немало в масштабах страны. И в небольшой, спокойной Курганской епархии тоже мученически погиб молодой послушник. Это случилось в Успенском Далматовском монастыре, в то время только-только возрождающемся после многолетней разрухи.

*На стр. 160:
Вид Успенского
Далматовско-
го монастыря
со стороны
р. Исети.
Фотография
2013 г.*

Евгений
Пономарев до
поступления
в монастырь

Евгений Иванович Пономарев — он не успел сменить это имя на другое, монашеское — жил в этом монастыре среди малочисленной братии. Когда-то богатейший, процветающий, известный на весь Урал монастырь в начале 1990-х был всего лишь маленьким приходом. Игумен Павел (Стрекалев) вспоминает, что когда он послушником приехал в Далматово в 1992 году, там служили только игумен о. Василий, иеродиакон о. Ксенофонт и послушник по имени Александр. Вскоре приехал и Евгений Пономарев. Потом появились другие священники, диаконы, монахи и послушники. Старинная обитель постепенно оживала. О духовной атмосфере в те годы о. Павел рассказывает, что она была поистине монастырской, благодатной...

Евгений Пономарев сам родом из Далматовского района. До недавнего времени была жива его мать Мария Степановна Пономарева. В семье было еще два сына — старший Сергей и младший Андрей. Отец, по-видимому, рано умер. Мать сначала учительствовала в Далматове, потом работала директором сельской школы. Она была из образованной семьи и вспоминала, что ее отец был открыто верующим человеком. Под его влиянием она не вступала ни в октябрята, ни в пионеры. Комсомольский билет получила, по ее словам, «случайно», будучи студенткой Свердловского сельскохозяйственного института, потому что занималась спортом и выступала «за честь вуза» на различных соревнованиях.

Евгений
(второй справа)
в студенческие
годы

В молодости
Евгений
Пономарев
получил
профессию
тракториста-
машиниста

Сама она тоже крестила всех троих своих детей в раннем детстве. Она ходила вместе с детьми в церковь, читала религиозную литературу, какую удавалось найти, а как только появилась возможность открыто участвовать в церковной жизни, собирала и сопровождала группы своих учеников, пожелавших принять крещение в Далматовском монастыре. Затем она подводила детей к гробу преподобного Далмата и рассказывала о нем. Побывала Мария Степановна и в Кургане в то время, когда туда привозили икону Николая Чудотворца. Верующая и благоговейно почитающая святых мать вырастила такого же глубоко верующего сына. Находясь в разлуке с матерью, Евгений писал ей письма и делился с ней, как с самым близким и понимающим его человеком, своими религиозными исканиями, размышлениями, планами на дальнейшую жизнь.

Евгений отслужил два года в армии, потом работал, причем одной из первых его профессий была профессия тракториста-машиниста. Никакой физической работы он не боялся и позднее, в монастыре, охотно брался за самые тяжелые послушания. В молодые годы он был донором крови, имел за это благодарности. По всей видимости, Евгений вырос добрым, отзывчивым юношей, был благодарен вырастившей его матери и старался делать все возможное, чтобы облегчить жизнь своей семье.

Молодой человек много читал, мечтал получить высшее образование. Он уехал учиться в Ленинград, окончил Политехнический институт, остался работать. Но мысль о монашестве его не оставляла. Мария Степановна Пономарева рассказывала: «Ему там было знамение. Год не было письма из Ленинграда. Я приехала туда, лежит он на кровати, а я стою перед ним, и он говорит: “Мама, вот на твоём месте стоял, — как он назвал, я даже не могу сказать, с кем он разговаривал, — это знамение,

Фотографии
и документы
на стр.
112–113
предостав-
лены Марией
Степановной
Пономаревой,
матерью
послушника
Евгения

знамение...” С этого у него все началось... Он тогда еще добавил: «Мама, вот если бы ты не приезжала, я бы поступил в церковь»».

Когда он узнал о возрождении Далматовского монастыря, у него дрогнуло сердце: вот оно, то, что он искал, там его место, там будет его служение... Затем случилось то, что он снова истолковал как знамение: он присутствовал на патриаршей службе и сподобился получить благословение самого Патриарха. Теперь Евгений не сомневался, что его предназначение — быть монахом.

Евгений приехал в Далматовский монастырь, тогда еще маленький приход, и поступил в послушники. Самый близкий человек, мама, конечно, не оставила его. Она часто приезжала, и он был рад этим встречам. «Мама, давай посидим здесь, давай посидим у родничка, смотрит на меня, — вспоминала Мария Степановна. — Мы с ним очень хорошо общались, когда он был послушником. Все говорят, особенно он возрадовался, когда ему дали подрясник. До этого он в рабочей одежде ходил. Я пришла, он улыбается, смотрит на меня, вот такое дело... И он домой почти не ездил. Приду, спрошу, где он. Мне говорят, картофель полет, здесь, церковный. Приду, говорю: “Женечка, о чем ты думаешь?” — “А я про себя всегда читаю молитву”, — говорит».

По словам первого наместника Далматовского монастыря игумена Василия (Ожерельева) и игумена Павла (Стрекалева) (тогда он был послушником Петром), послушник Евгений был непростым человеком. От остальных братьев, вышедших из рабочих семей и получивших лишь поверхностное образование, он отличался начитанностью и активным, пытливым умом. Именно поэтому знавшие его монахи и священники (заметим здесь: не все) говорили, что он «был в прелести», «подвизался не по разуму». Вот что рассказывает о. Павел (воспоминания относятся к самому началу 1990-х; в 1993 году он уже уехал из монастыря):

«Про подвижничество брата Евгения нужно сказать отдельно. Кто-то в монастыре ленится подвизаться, и его нужно подталкивать, а кто-то, наоборот, имеет ревность не по разуму, и его нужно придерживать, чтобы “не наломал дров”. Подвижничество послушника Евгения можно отнести ко второму. Это, на мой взгляд, яркий пример того, как подвизаться не следует. Спал он очень мало, почти всю ночь молился, пост был строжайшим, он очень мало вкушал и пил. Но в этом подвиге менястораживало то, что он не хотел слушать ничьих советов (в том числе и отца-наместника), то есть подвиг его был самочинным, не согласным с писаниями святых отцов. И хотя на утреннем правиле, когда он читал, у него часто можно было наблюдать слезы, благодати в них (по моим ощущениям) почему-то не было. (Подобное чувство было и у протоиерея о. Александра Никулина при личной встрече с Евгением. — А. П.). Этому есть некоторое

оправдание — отсутствие духовного наставника в монастыре. Хороший духовник в монастыре и сейчас проблема, а что говорить о начале 90-х? Монастыри тогда только начинали возрождаться, и подобные ошибки, думаю, тогда были не редкостью». И еще: «Он так постился! Я его один раз видел в бане. Он, конечно, скрывал от всех это, настолько ноги у него были худые, как в концлагере, вот эти места, ноги — прямо кости. Ведь он приехал обычный человек, нормальный, но так постился, такой пост невероятный держал, что у него кровь носом шла. Он и не спал почти. Я в келию сколько к нему ни заходил, он никогда не спал. Ночью, в любое время».

Иеромонах Симеон (Мальцев), бывший послушником в то же время, что и Евгений, делится, наоборот, очень светлыми воспоминаниями о нем и считает, что ни в какой прелести он не был, а просто старался добросовестно исполнять все обязанности, которые возлагали на себя послушники и монахи. «Он один из тех моих собратьев, — пишет иеромонах Симеон, бывший послушник Георгий, — на плечи которых легло выполнение монастырского устава и поддержание порядка и благочестия в монастыре в период его становления, когда и пример для подражания в житии негде было и увидеть. Какие-то поступки его действительно можно было толковать как необычные. К примеру, такой. Это был 1994 год, май месяц. Приходит в монастырь

Пасхальный крестный ход в Далматовском монастыре. Среди братья — Евгений Пономарев. Фотография начала 90-х гг. XX в.

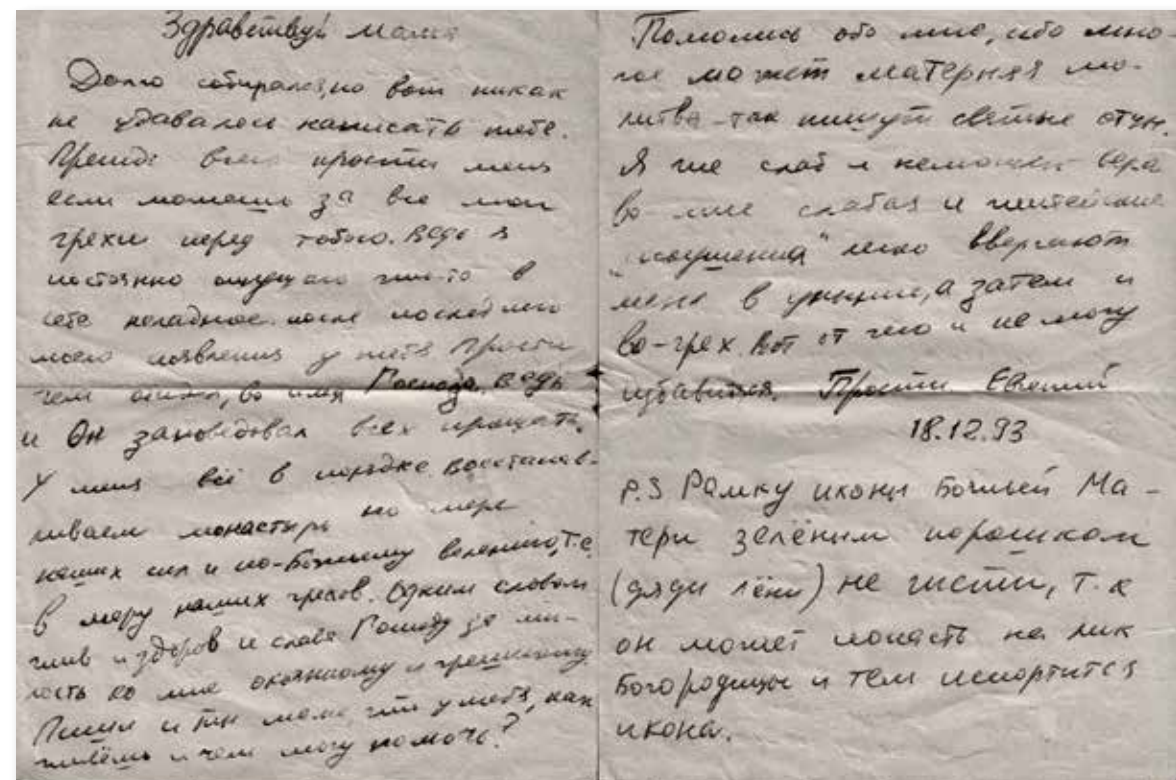
трудник из Челябинска и рассказывает историю, как ему довелось там зимовать в келии с нашим послушником Евгением: «Жили в бревенчатой келии на двоих, Евгений был старшим. Печь топил два раза в неделю, спал по четыре часа, остальное время согревался молитвой. С ним никто больше месяца рядом выдержать не мог — уходили, и я ушел».

С этими воспоминаниями перекликается еще одно, и оно принадлежит мирянке — бухгалтеру монастыря Валентине Валентиновне Львовой. «Весь облик Евгения и все у него было отлично от всех: ходил тихо, постоянно в молитве, сдержан, смотрит только в пол. Он так ревностно подвизался в посте и молитве, что вызывал удивление, и я думала: “Вот он, настоящий монах”. Он старательно выполнял работы по храму в алтаре, и все с молитвой. Одет был в черный пиджак и брюки, на ногах носил сапоги. В трапезной сидел на скамье последний, вкушал скромно, достаточно мало, отличался воздержанием. Думаю, он нес свои какие-то подвиги, в то время мне не очень понятные, поэтому в душе было какое-то сострадание, можно сказать, боль за него... Женя пришел и нам всем показал, как горит свеча любви к Господу, но очень быстро сгорает».

Таким образом, Евгений был, возможно, слишком ревностен, как это вообще свойственно неوفитам, но искренности его веры, чистоты всех его устремлений это не умаляет ничуть.

Бывший далматовский наместник игумен о. Василий вспоминает о послушнике Евгении совсем кратко: «А у него искушения начались, что-то ему было не так. Он попросился уехать и отправился в Челябинск, потом приехал обратно, мог отпроситься куда-нибудь еще». Отчего послушнику, нашедшему, казалось бы, свое призвание, не сиделось на месте? Возможно, дело как раз в том, о чем говорит о. Павел. Не хватало духовного руководства, наставника, которому можно было бы доверить свои искания, обсудить богословские вопросы не просто на равных (а в Далматове у него не было и такой возможности), а с кем-то, превосходящим его по образованию и опыту духовной жизни. Возможно, ему нужно было сначала пойти учиться, этот путь был открыт даже при советской власти. Но и, очевидно, молодому послушнику недоставало смирения. Отец Павел упоминает о сложностях в отношениях между Евгением и игуменом: «Он никого не слушался. Ему отец Василий начнет говорить, а он отвечает: «Отец Василий, вы сколько раз Библию прочитали? Один раз. А я пять раз прочитал, что вы меня учите, я больше вас знаю». И он действительно уехал в Челябинскую область, но потом вернулся обратно».

Что было у него на душе? Об этом могут рассказать только немногие сохранившиеся его письма к матери. В них он предстает нежным, заботливым сыном, усердным послушником, всеми силами пытающийся справиться со своими искушениями, отчаянно неуверенным, мятущимся человеком, который ищет,

но не может найти духовную опору. И, несмотря ни на что, — человек, счастливый своим служением, не сомневающийся в том, что выбрал верную дорогу. Трудно сказать, то ли действительно, как сказал о. Павел, «благодати не было», то ли просто брат Евгений слишком рано ушел в монастырь, и еще не все до конца «перебродила» душа уверовавшего юноши из интеллигентной, образованной семьи. Может быть, если бы он дал себе больше времени на подготовку, учился бы не самоучкой, совершал паломничества в святые места, больше общался с людьми, глубоко продвинувшимися на духовном пути, многое сложилось бы иначе.

«Здравствуй, мама.

Долго собирался, но вот никак не удавалось написать тебе. Прежде всего прости меня, если можешь, за все мои грехи перед тобою. Ведь я постоянно ощущаю что-то в себе неладное после последнего моего появления у тебя. Прости, чем обидел, во имя Господа, ведь и Он заповедал всех прощать. У меня все в порядке, восстанавливаем монастырь по мере наших сил и по Божьему велению, т. е. в меру наших грехов. Одним словом, жив и здоров, и слава Господу за милость ко мне окаянному и грешному. Пиши и ты, мама, что у тебя, как живешь, и чем могу помочь».

Письмо
послушника
Евгения к матери.
1993 г.

Помолись обо мне, ибо много может матерняя молитва — так пишут святые отцы. Я же слаб и немощен — вера во мне слабая и житейские «искушения» легко ввергают меня в уныние, а затем и во грех. Вот от чего и не могу избавиться. Прости. Евгений. 18.12.93.

Р. С. Рамку иконы Божьей Матери зеленым порошком (дяди Лени) не чисти, т.к. он может попасть на лик Богородицы и тем испортится икона.

Здравствуй, мама!

Прости меня, что долго не писал тебе, и вообще не давал о себе знать. Но я думаю, что ты обо мне более или менее спокойна, ведь все мы под Богом ходим и уповаем на Его промысел и любовь. Главное веру эту в себе не угасить, тогда и жить легко даже в бедах и скорбях. Мне же, признаюсь, нелегко, т.к. чувствую, что не хватает мне веры и любви к Богу. Мама, помолись обо мне, о моем спасении, ибо многое может матерняя молитва, и желательно в церкви. Т.к., как говорят старцы, одна молитва в церкви произнесенная «Господи, помилуй» равносильна прочтению всей Псалтыри в своей квартире.

Еще, мама, молю Бога, чтобы он помог тебе простить меня до конца. Ибо знаю, что я очень огорчал тебя и меня трудно простить. Ну что же, мне остается только уповать на твою материнскую волю и на всемогущую волю Божью. Мне нужно каяться, т.е. сотворить достойный плод покаяния. Ах, если бы мне знать на этот счет волю Божью. Помолись, мама, за меня Богородице, старицу Амвросию Оптинскому, св. Ник. Чудотворцу, чтобы Господь открыл мне, что богоугодно для меня и как очистить совесть свою. Ибо часто, мама, впадаю я в уныние и даже иногда в отчаяние. А это грех-то какой! Ведь не радуюсь свету Божьему и его творению, значит хула-то какая на Бога, а надо радоваться в вере! Прости, да спасет Господь души наши.

27.11.94».

У Евгения, как и у других братьев, было еще одно послушание — сторожить по ночам монастырь. Сторожа ночевали либо в самом храме, либо в галерее. Евгений к тому же выполнял обязанности монастырского казначея. Беда пришла не совсем извне, будущие убийцы послушника некоторое время подвизались здесь же, в монастыре, в качестве трудников. Такое было время: братия оставалась немногочисленной, рабочих рук не хватало, а желающие поработать за еду и ночлег приходили сами. В основном это были обездоленные люди: бомжи, освобожденные заключенные, которых не брали на другую работу, и даже беглые преступники. Понятно, что далеко не всегда у них были честные намерения. Большинство искало в монастыре всего

лишь временный приют, а то и способ обогащения.

Иеромонах Симеон (Мальцев) вспоминает: «Видел я Женю и беседовал с ним за месяц перед его трагической смертью. Он приехал в Курганское епархиальное управление по делам монастыря, а я служил диаконом в соборе Св. Александра Невского.

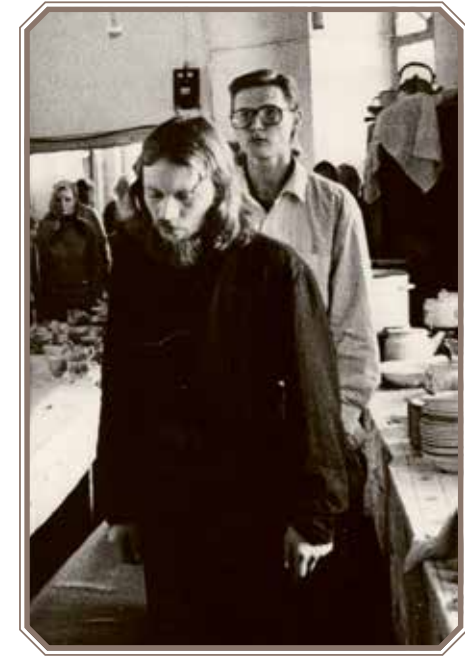
Он говорил, что в монастыре все хорошо, он помогает иеромонаху Тихону (Русинову) служить в алтаре. Я спросил: «А добрых послушников сколько?» Женя ответил: «Мы вдвоем с о. Тихоном. Трудников собралось человек тридцать. Скоро, наверное, бунт будет».

Сердце тогда сжалось, повеяло смертью, попросил я тогда Женю беречь о. Тихона, да и самому быть осторожным. Кто же тогда мог предполагать, что удар бесовский будет такой страшной силы...»

О том, что это были за люди, упоминает в своем рассказе и В.В. Львова. По ее словам, о. Тихон принял их при условии исповеди и покаяния, и один из них даже публично признался в том, что украл у кого-то деньги, и прихожане при этом прослезились. На самом деле преступление было запланировано заранее и совершено продуманно и цинично. Топор — будущее орудие убийства — преступники принесли с собой в монастырь.

Накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, в ночь на 4 декабря, послушник Евгений дежурил в храме Всех Скорбящих Радость и спал в южной галерее, на том месте, где сейчас устроили крестильный храм. Там его и настиг убийца. Вместе со своими поделщиками он решил обокрасть монастырь и вечером специально оставил незакрытой дверь в усыпальницу преподобного Далмата. Ночью преступники проникли в храм, увидели сторожа, спящего в правом приделе на железной кровати, и один из бандитов зарубил его топором. Он нанес послушнику несколько ударов по голове: убийце все казалось, что жертва еще шевелится... Запачканные кровью руки убийца вытер о стены. Затем бандиты направились к сейфу, но когда они его вскрыли, тот оказался пустым. Накануне исполняющий обязанности наместника иеромонах Тихон (Русинов) и бухгалтер монастыря, что-то предчувствуя, сами вынули оттуда все деньги и вынесли из храма в коробке из-под обуви.

По словам о. Симеона, иеромонах Тихон рассказал, что храм они с Евгением обычно сторожили ночами по очереди. В ту ночь сторожить должен был о. Тихон, но он очень устал, а утром нужно

Немногочисленная братия Далматовского монастыря за трапезой в южной галерее Скорбященской церкви. На переднем плане иеромонах Тихон (Русинов). Фотография 1995 г.

было служить литургию. Евгений подменил его на дежурстве. Отец Тихон полагал, что это он был настоящей целью убийцы, а Евгений погиб только потому, что был сходной комплекции с наместником (среднего роста и худощавый), и убийца принял его, укрытого с головой одеялом, за другого человека. Сейчас уже трудно выяснить подлинные намерения преступников. Скорее всего, жертвой стал бы любой человек, оказавшийся на их пути.

Кроме Евгения в храме ночевала монахиня Ираида (позднее она приняла схиму с именем Фамаиды; ныне ее уже нет в живых). В то время она работала в трапезной, которая располагалась в северной галерее (а не в южной, где был убит Евгений). Там она готовила, там же и спала, поэтому не слышала убийства. Но когда вышла рано утром, то запнулась обо что-то, и это было тело убиенного Евгения. На следующий день, после литургии, послушника Евгения отпели при большом стечении народа. Приехал и правящий архиерей епископ Михаил. Евгения Пономарева решено было похоронить на территории монастыря. Процессия обошла вокруг храма и остановилась возле приготовленной могилы. Свое прощальное слово у гроба сказал владыка Михаил. По воспоминаниям очевидцев, об Евгении скорбела вся братия.

Брат Евгений погиб на послушании. Если попытаться подобрать мирской аналог, то это то же самое, что и смерть солдата на боевом посту. Какие бы искушения ни претерпел при жизни послушник Евгений, своей мученической кончиной он сумел доказать всем сомневающимся, что подвизался он правильно, и то, что другие принимали в нем за гордыню, происходило совсем от другого свойства его души. О таких, как он, «русских мальчиках», Ф.М. Достоевский писал: покажи им карту звездного неба, и они вернут ее исправленной. Очень активный, смелый и сомневающийся ум — и при этом слишком мало опыта, слишком мало отпущенного времени... «Верую в то, что этой пролитой кровью Господь простил Евгению многая согрешения вольная и невольная», — говорит о. Павел (Стрекалев), и, наверное, это главный итог его короткой, но не напрасно прожитой жизни.

На стр. 171:
Могила
послушника
Евгения в
Далматовском
монастыре.
Фотография
2015 г.

